

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ГУАП

Часть III

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2012

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего профессионального образования

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

*Всемирному
Дню авиации и
космонавтики
посвящается*

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ГУАП

Часть III

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Сборник докладов

9–11 апреля 2012 г.

Санкт-Петербург
2012

УДК 001
ББК 72
Н34

Н34 Научная сессия ГУАП: сб. докл.: в 3 ч. Ч. III. Гуманитарные науки. – СПб.: ГУАП, 2012. – 406 с.: ил.

ISBN 978-5-8088-0750-1 (ч. III)

ISBN 978-5-8088-0747-1

В апреле 2012 г. в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения была проведена традиционная Научная сессия, посвященная Всемирному дню авиации и космонавтики. В работе сессии приняли участие ведущие ученые и специалисты предприятий, преподаватели, научные сотрудники и аспиранты вузов из различных регионов России.

Данный сборник докладов отражает основные направления научных исследований, обсуждаемые на сессии. Представленные работы посвящены проблемам современного приборостроения, радиотехники, электроники и связи, проблемам построения информационных систем и вопросам автоматического управления, разработке перспективных вычислительных сетей, их математическому и программному обеспечению. В разделе гуманитарных наук представлены доклады по актуальным проблемам исторических и филологических наук, проблемам экономической теории, философии и проблемам права.

Сборник предназначен для научных работников, аспирантов, докторантов и студентов старших курсов технических и гуманитарных вузов

Под общей редакцией
доктора технических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
В. И. Хименко

Редакционная коллегия:

А. Р. Бестугин, кандидат технических наук, доцент,
В. М. Боер, доктор юридических наук, профессор,
А. С. Будагов, кандидат физико-математических наук, доцент,
Е. А. Крук, доктор технических наук, профессор,
К. В. Лосев, кандидат экономических наук,
И. А. Павлов, кандидат военных наук, доцент,
Е. Г. Семенова, доктор технических наук, профессор,
В. А. Фетисов, доктор технических наук, профессор,
Н. А. Чернова, кандидат экономических наук,
Л. И. Чубраева, доктор технических наук, профессор,
А. П. Шепета, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь редакционной коллегии *В. Н. Соколова*

ISBN 978-5-8088-0750-1 (ч. III)
ISBN 978-5-8088-0747-1

© Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического
приборостроения (ГУАП), 2012

а, следовательно, и получения образования, особенно высшего. Это вызывает чувство неуверенности и страха, которые, в свою очередь, порождают новый виток инструментализации сознания. Сравнительно меньший риск в сфере образования отмечен по большинству показателей среди учащихся в крупных городах. Вероятно, уровень коммерциализации образования в них не так велик, как в Москве и С.-Петербурге, а возможности трудоустройства шире, чем в небольших городах и в селе.

Принимая во внимание дискуссионность понятия эффективности правового регулирования в сфере образования в рамках настоящего исследования, данную правовую категорию предлагается трактовать как результирующую характеристику действия норм права в сфере образования, свидетельствующую о степени обеспечения в процессе их реализации тех прав и свобод, на гарантию которых они (нормы) изначально были направлены.

Для решения возникших проблем и осуществления повышения эффективности разрабатываемых норм права в сфере образования безусловно необходим новый федеральный закон, а также предлагается:

1. Закрепить более конкретные меры юридической ответственности не только образовательных учреждений (организаций), но и иных субъектов образовательной деятельности за нарушение норм образовательного законодательства;

2. Сократить количество бланкетных норм в едином федеральном законе, обеспечив максимальную защиту прав участников образовательного процесса на уровне федеральных законов, а не подзаконных актов, исключив возможность использование подзаконного акта в разрез с законом;

3. В интерпретационных актах указывать возможности и направления реализации компетентности подхода в образовательной деятельности учреждения (организации) при создании образовательных программ. В настоящее время они разрабатываются в условиях стихийности, во многом непонимания требований законодателя, разрозненных подходов к пониманию того, что вкладывается в понятия «знать», «владеть», «уметь».

4. Привести в соответствие нормы образовательного законодательства с международными актами, в том числе с Конвенцией о борьбе с дискриминацией в области образования (запрет дискриминации в области образования), Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (запрет умаления свободы выбора образовательного учреждения независимо от его государственной или иной принадлежности).

Библиографический список

1. Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы (К методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3.
2. Пашков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 9.
3. Смирнов О. В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М., 1968.
4. Лебедев М. П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. 1963. № 1.
5. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971.
6. Самощенко И. С., Никитинский В. И. О понятии эффективности правовых норм // Ученые записки ВНИИСЗ. вып.18. М., 1969.
7. Шаргородский М. Д. Система наказаний и их эффективность // Советское государство и право. 1968. № 11.
8. Козлов В. А. К вопросу о понятии эффективности права // Вестник Ленинградского университета. Вып.1. 1972.

УДК 34

И. А. Коневиченко – магистр юриспруденции, аспирант кафедры государственного права

ЭТАПЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Во все времена закон играл огромную роль в жизни казачье-крестьянского населения Дона. И это вполне объяснимо, ведь именно через право, закон, нормативную юридическую систему осуществляется взаимодействие государственной власти и государственного управления.

В конце XVII – начале XIX вв. очень активно протекал процесс замены обычного права донских казаков российским законодательством, в результате чего обычное право утратило свою регулятивную сущность и общественное назначение. На смену обычного права на государственном и региональном уровне пришло законодательство Российской империи. Однако традиционное юридическое наследие казачества в дореволюционном Российском государстве было сохранено.

Согласно российскому законодательству коренные крестьяне и иногородние во второй половине XIX-начале XX вв., с одной стороны, являлись юридически свободными, а с другой, находились как в экономической, так и политической зависимости от казаков. Их положение было весьма нелегким и бесправным.

Казачество Дона, как и всей России, в пореформенное время оставалось феодальным служилым населением.

Самодержавие постоянно акцентировало внимание на огромной важности казачьей службы России, но возмещало казакам их воинскую повинность лишь частично.

С нашей точки зрения, анализируя российскую политику реформ в отношении казачьих войск во второй половине XIX – начале XX вв., целесообразно подразделить ее на три ключевых этапа. Так, с 1861 по 1880 гг. проходил первый этап. Он был связан с крестьянской реформой 1861 г. В обозначенное время в казачьей среде ликвидировались крепостнические формы организации труда. Безусловно, реформы носили явно ограниченный характер, но они все-таки выступили в роли катализатора в процессах разрешения сословной замкнутости казачьих общин, социальной дифференциации.

С наступлением же реакционного периода, начиная с 80-х гг. XIX в., данные реформы расценивались правительством как допущение «роковой ошибки», последствиями которой может быть угроза существованию казачества как единого сословия. Этим и объясняется тот факт, что со стороны правительства были предприняты действия по отмене ранее вводимых законов, укреплению единоначалия, сословной замкнутости, ликвидации разделения военной и гражданской властей, исполнительной и законодательной.

Все вышеуказанные правительственные шаги вполне обозначали второй этап контрреформ в казачьих войсках.

В эти годы наблюдается насаждение крупного офицерского землевладения и противопоставления его «юртовому», что повлекло за собой усложнение аграрных проблем даже на многоземельных войсковых территориях.

Третий этап реформ ознаменовался революционными событиями 1905 г., в которых принимала активное участие казачья беднота. Именно она и потребовала от правительства эффективных мер по превращению казачества в опору самодержавия. Несмотря на то, что в течение данного периода были предприняты весьма действенные меры в отношении муниципализации казачьих земель, укрепления экономики хозяйств, борьбы с расслоением общины, они не могли предотвратить объективные процессы разложения казачества и перехода его части на демократические позиции. Об этом свидетельствовало участие казаков в революции 1917 г.

Вышеуказанная периодизация совпадает в своей основе с наиболее переломными моментами политики российского правительства в отношении крестьянства. Однако концепция реформ определялась особенностями положения казачества на социальной лестнице экономическим положением регионов, в которых находились войсковые территории.

УДК 34

О. В. Корнеева – аспирант кафедры теории права и государства

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПЛЮРАЛИЗМА И ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА

Теорию правового плюрализма, по мнению некоторых ученых, можно рассматривать как ключевую концепцию для постмодернистского взгляда на право вообще [1]. Но, по мнению других ученых, данная теория является вымыслом, внутренне неслаженной теорией, некоторые говорят даже о создании некоего чудовища «правового плюрализма», а его сторонников принимают, чуть ли не за идолопоклонников [2]. Одним из явных противоречий является вопрос о взаимодействии и даже конфликте между принципом верховенства закона и теорией правового плюрализма. Так ли это? Изучению данного вопроса будет посвящена данная статья. Сначала необходимо раскрыть понятие принципа верховенства закона и применимость данного принципа для различных правовых семей, затем охарактеризовать понятие правового плюрализма, и на основании чистой теории права Ганса Кельзена соотнести данные понятия.

Необходимо отметить с самого начала, что теоретические ограничения данного исследования возникают, по причине отсутствия единства среди ученых в определении и применении теории правового плюрализма, так же как и определения и применения принципа верховенства закона. Работать с одной спорной идеей очень не просто, но с двумя идеями, взаимодействующими работающими в тандеме, может просто угрожать исследованию еще до его начала. Поэтому исследование взаимодействия между принципом верховенства закона и правовым плюрализмом, может быть представлено лишь как широкое обобщение.

Принцип верховенства закона является малоизученным учеными, но он активно применялся и применяется поныне во множестве современных государств, содержание данного принципа было сформулировано в соприкосновении с теорией правового государства, принципа верховенства права и принципа законности.

Термин правовое государство был введен в научный оборот в начале XIX в. К. Велькёром, Р. Гнейстом, Р. Фон Мо-лем. Первоначально этим термином выражалась идея упорядочения законом административно-бюрократической системы управления. Однако в конце XIX века правовое государство было наполнено гуманистическим смыслом, и стало выступать идеализированной моделью гармоничных отношений общества и государства. Одним из принципов правового государства является верховенство права, которое состоит из двух элементов: верховенство закона в иерархии нормативно-правовых актов и выражения права законом (т. е. в правовом государстве должны быть исключительно правовые законы) [3]. Верховенство закона в правовом государстве – неукоснительное соблюдение законов, других нормативно-правовых актов, судебных решений всеми членами общества, государственными органами и должностными лицами, обязанными воплощать право в жизнь.

Следует ли видеть в действии принципа верховенства закона проявление принципа верховенства права?

В отечественной литературе очень распространено мнение о том, что правовому государству присуще не верховенство права, а верховенство закона. (А.П. Герасимова, М.Н. Марченко, В.Н. Хропанюк). Вполне понятно, что этими авторами имелось в виду, что законам не должны противоречить и стоять над ними многочисленные подзаконные и зачастую ведомственные акты. Но в таком случае следует не о безусловном верховенстве закона, а лишь о верховенстве его над подзаконными актами. Верховенство закона в государстве и обществе не может служить основанием для признания такого государства правовым, поскольку законы могут быть не правовыми и несправедливыми [4].